

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-380-394

EDN: RCNMZW

Научная статья / Research article

Поль Буайе и русско-французский диалог культур

А.Ю. Овчаренко[✉], Е.А. Шапринская^{id}, Ю.А. Воропаева^{id}

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ ovcharenko_ayu@pfur.ru

Аннотация. Исследование посвящено русско-французскому культурному и научному диалогу XVII–XX вв., представляющему значительный интерес для понимания механизмов межкультурной коммуникации в условиях политических и идеологических вызовов. В современном мире, где научное сотрудничество нередко сталкивается с внешними ограничениями, анализ исторического опыта взаимодействия стран позволяет выявить, как взаимодействие языков, искусства и идей обогащает культуру стран. Цель исследования — изучение основных этапов русско-французского диалога с акцентом на роли научного, а не интеллектуального аспекта. Особое внимание уделено вкладу французского слависта Поля Буайе — одного из создателей Института славянских исследований (Institut d'études slaves) и авторитетного научного журнала «Revue des études slaves», а также разработанной им концепции научного и культурного обмена. В работе использованы научные труды по славистике, мемуары и переписка деятелей культуры (Д. Дидро, Л.Н. Толстого, П. Буайе и др.). Применены историко-культурный анализ, сравнительный метод и текстологический подход для изучения эволюции педагогических и лингвистических методик русско-французского диалога. Выявлено, что наиболее эффективные формы взаимодействия (учебник Поля Буайе, созданный на основе толстовской «Азбуки» 1872 г.) возникли вне контекста «интеллектуальной экспансии», получившей широкое распространение во Франции начала XX в., вследствие чего институциональные инициативы (Французский институт в Петербурге) могли искажаться под влиянием идеологии. Кроме того, показана перспективность адаптации исторических моделей диалога (акцент на педагогике, аутентичных текстах) в современных цифровых образовательных практиках обучения языку и культуре России.

Ключевые слова: русско-французские связи, культурный диалог, Поль Буайе, Лев Николаевич Толстой, история славистики, научное сотрудничество

История статьи: поступила в редакцию 12.03.2025; принята к печати 09.04.2025.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Шапринская Е.А. — написание текста с опорой на общую концепцию статьи и найденные и проанализированные источники; Овчаренко А.Ю. — систематизация материала, подготовка структуры статьи, её библиографического и содержательного направления, доработка содержания; Воропаева Ю.А. — сбор и обработка информации. Все авторы ознакомлены с окончательным текстом и одобрили его.

Для цитирования: Овчаренко А.Ю., Шапринская Е.А., Воропаева Ю.А. Поль Буайе и русско-французский диалог культур // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 380–394. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-380-394>

© Овчаренко А.Ю., Шапринская Е.А., Воропаева Ю.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Paul Boyer and the Russian-French Dialogue of Cultures

Alexey Yu. Ovcharenko[✉], Elizaveta A. Shaprinskaya^{ORCID}, Julia A. Voropaeva^{ORCID}

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ ovcharenko_ayu@pfur.ru

Abstract. The study is devoted to the Russian-French cultural and scientific dialogue of the 17th and 20th centuries, which is of considerable interest for understanding the mechanisms of intercultural communication in the context of political and ideological challenges. In today's world, where scientific cooperation often faces external constraints, an analysis of the historical experience of interaction between countries shows how the interaction of languages, art and ideas enriches the culture of countries. is to explore the main stages of the Russian-French dialogue, paying special attention to the role of the scientific rather than the intellectual aspect. Special attention is paid to the contribution of the French Slavist Paul Boyer, one of the founders of the Institute of Slavic Studies (Institut d'études slaves) and the authoritative scientific journal *Revue des études slaves*, as well as the concept of scientific and cultural exchange developed by him. The work uses scientific works on Slavic studies, memoirs and correspondence of cultural figures (D. Diderot, L.N. Tolstoy, P. Boyer, etc.). Historical and cultural analysis, comparative method and textual approach are applied to study the evolution of pedagogical and linguistic methods, Russian-French dialogue. It is revealed that the most effective forms of interaction (Paul Boyer's textbook, based on Tolstoy's ABC "Azбука" of 1872) arose outside the context of the "intellectual expansion" that became widespread in France at the beginning of the 20th century, because of which institutional initiatives (the French Institute in St. Petersburg) could be distorted under the influence of ideology. In addition, the prospects of adapting historical models of dialogue (emphasis on pedagogy, authentic texts) in modern digital educational practices of teaching the language and culture of Russia are shown.

Key words: Russian-French relations, cultural dialogue, Paul Boyer, Leo Nikolaevich Tolstoy, history of Slavic studies, scientific cooperation

Article history: received 12.03.2025; accepted 09.04.2025.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

Author's contributions: *Shaprinskaya E.A.* — writing the text based on the general concept of the article and the sources found and analyzed; *Ovcharenko A.Yu.* — systematization of the material, preparation of the structure of the article, its bibliographic and substantive directions, for finalizing the content; *Voropaeva Yu.A.* — collection and processing of information. All authors have reviewed and approved the final text of the article.

For citation: Ovcharenko, A.Yu., E.A. Shaprinskaya, and Voropaeva, J.A. 2025. "Paul Boyer and the Russian-French Dialogue of Cultures." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 380–394. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-380-394>

Введение

Взаимодействие языка, искусства, литературы и научной мысли разных стран представляет собой основной механизм углубления и развития национальной культуры. Особенно ярко это проявляется в контексте культурного диалога, в котором европейская культура на протяжении веков формировалась как результат непрерывного обмена, восприятия и переработки чужого опыта. Как писал М.М. Бахтин: «...наиболее напряженная и продуктивная жизнь культуры проходит на границах отдельных областей ее...», и именно в этих

зонах культурного соприкосновения и возникает подлинный диалог — как в «большом», так и в «малом» времени [1. С. 303–304].

Французская русистика занимает особое место в общеевропейском диалоге культур. После Второй мировой войны Франция стала первой страной Западной Европы, включившей русский язык в систему среднего образования. Это стало важным шагом не только в изучении языка, но и во вхождении в культурный и литературный диалог с Россией [2]. Начало XIX в. ознаменовалось тем, что русская культура активно впитывала западноевропейские влияния — переводы В.А. Жуковского не воспринимались современниками как просто переводы, они становились неотъемлемой частью русской поэтической традиции, романтического дискурса. Однако уже во второй половине XIX в. Россия становится культурным донором: творчество И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого формирует представления европейцев о русской культуре как о носителе глубоких экзистенциальных и нравственных идей. Не случайно, что И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой до сих пор воспринимаются во Франции как ключевые фигуры культурного диалога между двумя народами.

Диалог культур — не просто обмен текстами и идеями, но сложная система взаимовлияний, которую еще только предстоит в полной мере осмыслить. Как указывает Ю.М. Лотман, «в стадильном единстве культуры» [3. С. 192] кроется возможность осознания как типологических сходств, так и глубинных историко-культурных связей, объединяющих, казалось бы, далекие традиции. Сравнительное литературоведение, по мысли Ю.М. Лотмана, обретает свое методологическое основание именно в признании таких связей — генетических, типологических, и в особенности тех, что рождаются в диалоге. Об этом же писал и Д.С. Лихачев [4. С. 15], отмечая, что систематизация литературных явлений требует еще более точного понятийного аппарата, способного отразить сложность межкультурных процессов.

Материалы и методы

В нашем исследовании, используя историко-культурный анализ, сравнительный метод и текстологический подход, мы рассмотрим главные вехи русско-французского диалога в XVII–XX вв., чтобы через цепь событий, встреч и совместных трудов подойти к важному вопросу: возможно ли укреплять научные связи двух стран без посторонних политических мотивов?

Выражение «*Cette grande lueur à l'Est*» — «Этот великий свет с Востока» (перевод наш. — *Авт.*) — как назвал Жюль Ромэн один из своих романов-эпопей «*Les hommes de bonne volonté*» («Люди доброй воли», 1932–1946), — это характерное для той эпохи увлечение большевизмом; путешествия писателей и деятелей культуры из Западной Европы и США в СССР. Но часть европейских исследователей ретроспективно переносит это явление и на начало XX в., и на первые годы после революции 1917 г. в России. Множество

работ по этой теме создает ощущение, что не было неполитических связей между нашими странами. Но мы, вступая в диалог и с одной из авторитетных исследовательниц русской интеллектуальной истории Софи Керэ [5] и с французским полем идей, постараемся помочь выйти из-за кулис политического и литературного мифа Полю Буайе и его учебнику («les coulisses d'un mythe politique et littéraire») [6] как важной вехе в истории русско-французских отношений, успешной попытке научного и педагогического обмена опытом между странами.

Выдающийся французский славист Поль Буайе (1864–1949) [7] посвятил этой проблеме (порой сознательно, порой нет) свои труды. Именно с помощью анализа одного из его главных произведений, которое не появилось бы вне сложной, но плодотворной истории взаимодействия русской и французской культур — «Manuel pour l'étude de la langue russe, textes accentués, commentaire grammatical, remarques diverses en appendice, lexique» — учебника русского языка, выдержавшего испытание временем (5 изданий с 1905 г., 6-е обновленное издание появилось в 2024 г.), — мы раскроем одну из основополагающих проблем кросс-культурных взаимоотношений двух стран.

Результаты и обсуждение

История научного изучения русского языка во Франции берет начало в 1724 г. (хотя надо отметить, что еще в 1720 г. Людовик XV, после визита Петра Первого весной — летом 1717 г., учредил должность переводчика старославянского и русского языков в Королевской библиотеке), когда Жан Сойе, сотрудник Королевской библиотеки, опубликовал труд «Грамматика и метод: русский и французский язык» («Grammaire et Méthode russes et françoises») [7]. Это было первое французское сочинение, систематизировавшее структуру русского языка. С восхождением на трон Екатерины II (состоявшей, как известно, в переписке с философами эпохи Просвещения — Вольтером, Даламбером, Дидро)¹ [8][9] и вплоть до Великой французской революции 1789 г. культурные связи между Россией и Францией значительно расширились. Особый интерес в рамках нашего исследования представляет деятельность французских просветителей, в частности Дени Дидро, посетившего Россию и прожившего в Санкт-Петербурге с сентября 1773 по март 1774 г. В 1947 г. русский читатель получил 10-й том полного собрания сочинений Д. Дидро², содержащий множество работ, посвященных восприятию философами нашей страны и ее культуры. Однако Д. Дидро черпал знания о России далеко не только из бесед с императрицей [10], которые могли дать лишь ограниченное представ-

¹ Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год / пер. с фр. Иван Фабиан ; с портретом императрицы и Вольтера. Москва : В вольной типографии Гария и Компании, 1803.

² Дидро Д. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 10 : Rossica. Москва ; Ленинград : Academia, 1947.

ление о реальном положении дел. Важными источниками для него стали беседы с И. Бецким, Е. Дашковой, Д. Голицыным, Г. Орловым и братьями А.В., С.В. и В.В. Нарышкиными. Примечательно, что наиболее близкое к рукописному источнику издание «Бесед с Екатериной II (1773)»³ было подготовлено именно французскими исследователями. Рукопись обнаружили в Центральном государственном архиве древних актов (ныне — Российский государственный архив древних актов) и включили в том политических сочинений Д. Дидро⁴. К сожалению, до сих пор этот текст не был переведен и остается неизвестным российскому читателю и лишь благодаря книге саратовского историка С.А. Мезина мы имеем довольно полное представление о диалоге Д. Дидро с российской культурой [11]. Но в XIX в. большинство работ философа оставались непереуведенными, что, впрочем, не мешало русской интеллигенции: французский язык был тогда широко распространен в России, и сама родина прав и свобод человека казалась многим молодым людям той эпохи близкой и созвучной их собственным мыслям. Однако для самой Франции первая половина XIX столетия стала сложным и в то же время переломным периодом в истории отношений с нашей страной.

Тем не менее в Санкт-Петербурге выходит в свет грамматика русского языка Карла-Филиппа (Филиппа Ивановича) Рейффа⁵ [12]. Как установил академик М.П. Алексеев, это издание представляло собой перевод «Пространной грамматики» Н.И. Греча. Однако, несмотря на это, работа К.-Ф. Рейффа приобрела неожиданную популярность и стала восприниматься как самостоятельное научное достижение.

Параллельно с этим во Франции формировался противоречивый образ России. В 1843–1844 гг. Астольф де Кюстин публикует свои напумевшие путевые заметки «Россия в 1839 году» [13], где рисует Восточную империю в крайне мрачных тонах. Этот труд оказал значительное влияние на европейское восприятие России. В то же время, в 1840 г., в Коллеж де Франс происходит знаковое событие — Адам Мицкевич открывает первую во Франции кафедру славистики, которая, однако, просуществовала недолго: уже в 1844 г. кафедру пришлось закрыть из-за резкого ухудшения франко-русских отношений накануне Крымской войны.

Во второй половине XIX в. распространение русской культуры во Франции происходило во многом благодаря усилиям отдельных энтузиастов. Среди них особое место занимает Проспер Мериме, состоявший в переписке с И.С. Тургеневым и С.А. Соболевским. Как отмечал Н.В. Гоголь: «...известно

³ *Lisé É.* 1978. *Mémoires inédits de Diderot à Catherine II // Dix-huitième siècle.* No. 10. P. 191–222.

⁴ *Diderot D.* *Oeuvres.* Т. 3 : *Politique.* Paris : Robert Laffont, 1995.

⁵ *Рейфф Ф.И.* *Грамматика русская для употребления иностранцев, которая основательно показывает начальные правила сего языка // Reiff Carl Philipp.* *Grammaire Russe à l'usage des étrangers précédés d'une introduction sur la langue slavonne.* Санкт-Петербург, 1821.

выданное им собрание славянских песен под именем Гусли. Собранием этим он поддел даже самого Пушкина, который принял их за подлинные и с такою верною простотою передал их в полновесных стихах своих. Почувствовать и угадать дух славянский — это уже слишком много и почти невозможно для француза. *По природе своей эти две нации не сходятся между собою в характере. К тому же французу трудно позабыть на минуту, что он француз.* (курсив наш. — Авт.). С этой стороны Мериме является в своих созданиях далеко выше своих писателей-соотечественников»⁶. Эти слова подчеркивают, насколько редким и ценным было для французского деятеля культуры глубокое понимание славянской культуры.

Значимым шагом в укреплении русско-французских культурных связей стало открытие 15 февраля 1875 г. русской библиотеки в Париже. Инициатива принадлежала революционеру-народнику Г.А. Лопатину, а важную поддержку оказал И.С. Тургенев. В 1883 г. библиотека получила название «Тургеневской общественной библиотеки», поскольку именно книги из личной коллекции писателя составили основу ее фонда. Без этого вклада создание «Тургеневки» едва ли было бы возможным.

Ранее в 1874 г. в Школе восточных языков был введен курс русского языка, который спустя четыре года (в 1878 г.) стал основой для создания кафедры славянских языков. Нельзя не отметить также важность еще одного из центров изучения славянских языков во Франции — Лиона. Лионская русистика отметила столетие в 2023 г. [14]. Этот период ознаменовал новый этап в институционализации славистики во Франции.

Особую роль в развитии кафедры сыграл Поль Буайе, возглавлявший ее с 1891-го по 1936-й год. Но П. Буайе, в 1869 г. слушавший на факультете словесности Московского университета лекции Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова, интересуется не только нашим языком как гранью русской культуры. Известный французский славист А. Мазон отмечает широкий круг интересов П. Буайе, говоря, что русский язык для него — ключ к проблемам истории, философии, литературы России, поэтому его деятельность выходила далеко за рамки академического руководства: П. Буайе не только стоял у истоков создания первого серьезного научного сообщества по изучению русского языка во Франции, выходящего и сегодня авторитетного научного журнала «Revue des Études Slaves», но и во второй половине 1920-х гг. помогал В.Э. Мейерхольду восстанавливать театральные связи во Франции [15. С. 744–745, 761, 798]. Подчеркнем, что для П. Буайе был важен *genetivus objectivus* как аспект исследования: Россия как объект цивилизации. Не менее значимым стал его вклад в основание Французского института в Петербурге — проект, который по праву считается одним из важнейших достижений выдающегося слависта.

⁶ Гоголь Н.В. <Заметка о Мериме> // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 9 : Наброски. Конспекты. Планы. Записные книжки. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952. С. 20–21.

Подробнее остановимся на этом событии, которое положило начало продолжающейся и сегодня дискуссии о роли интеллектуального и научного аспекта в диалогах культур, а также о влиянии русской дидактической школы на формирование преподавателей французского языка и преподавания французского языка в России [16].

К 1911 г. Франция уже имела опыт создания языковых институтов за рубежом — подобные учреждения существовали во Флоренции и в Испании [17]. Петербургский институт, по замыслу Поля Буайе, должен был стать уникальным проектом с двойной миссией.

С академической точки зрения, он задумывался как центр, где французские слависты могли бы углубленно изучать русский язык и культуру, одновременно проводя серьезные научные исследования. Параллельно институт должен был служить площадкой для подготовки русских студентов, будущих преподавателей французского языка, которые могли бы распространять французскую культуру в России.

Двусторонний обмен представлял особую ценность не только для изучения языка, но и для методики его преподавания. Процесс изучения языка всегда определяется широким комплексом факторов — от индивидуальных способностей учащихся до применяемых педагогических подходов и актуальных научных концепций. Однако реализация этой модели столкнулась с противоречиями. Сорбонна, опасаясь потерять монополию на обучение иностранцев французскому языку, потребовала пересмотреть положения о подготовке русских преподавателей. Хотя П. Буайе формально согласился на эти условия, статья Поля Думера, будущего 14-го президента Франции, опубликованная накануне открытия института, раскрывала иную идею — «интеллектуальную экспансию Франции»⁷.

Эта идея не была случайной: в XIX в. во Франции активно переосмыслилось историческое наследие эпох Людовика XIV, Просвещения и Реставрации, что способствовало формированию представлений о превосходстве культурной миссии Франции в мире. В частности, характерно, что в заголовке работы Pingaud L. *Les Français en Russie et les Russes en France* (1886) «*Les Français en Russie*» набрано гораздо более крупным шрифтом, чем «*les Russes en France*». Окончательно этот идеологический вектор в работе нового учреждения был закреплен первым директором института Луи Рео (1881–1961)⁸,

⁷ Doumer P. “L’expansion intellectuelle de la France”. *Le Matin*. Lausanne: Tamedia Publications romandes SA, 27 février 1911; *Dussieux L.* Les artistes français à l’étranger. Paris-Lyon : Jacques Lecoffre, 1876; *Veublin E.V.* L’amitié franco-russe, ses origines. Le génie français et la Russie sous Pierre le Grand, Catherine I et Elisabeth. Documents inédits. Brionne: Imprimerie E. Amelot, 1896; *Haumant É.* La culture française en Russie (1700–1900). Paris: Hachette, 1910; *Pingaud L.* Les Français en Russie et les Russes en France. Paris, 1886.

⁸ Rapport sur le fonctionnement de l’Institut présenté au conseil d’administration par M. Louis Réau, directeur de l’Institut français de Saint-Pétersbourg, Saint-Pétersbourg, rue Gorohovaj, Paris: Hachette, 1913.

что существенно отличалось от первоначальных академических целей П. Буайе. Именно Л. Рео принадлежит термин «l'expansion de l'art français» — «экспансия французского искусства», развитая им в фундаментальном труде «Histoire de l'expansion de l'art français moderne», где первый том посвящен «латинскому (романскому) миру», второй «германскому миру», третий — «скандинавскому и англосаксонскому». Показательно, что свою концепцию об экспансии французского искусства Л. Рео представляет лишь в четвертом томе, посвященном России и русской культуре. Концепция Л. Рео предшествовала теории культурно-идеологической гегемонии, изложенной в «Тюремных тетрадах» А. Грамши (1928–1937), концепции «силы над мнениями» Э. Карра (1939) и ставшей уже фактически мемом «мягкой силе» Дж. Найя (2004). В отличие от П. Буайе, видевшего в русской культуре и русском языке явления, не только способствующие межкультурному диалогу, но и источник обогащения французской и, шире, европейской культуры, Л. Рео предлагает ставшую затем, увы, довольно распространенной в кругах западных интеллектуалов теорию (многочисленные виды культурного и языкового этноцентризма), согласно которой Русь / Россия была «провинцией византийского искусства», а в XIX в. «естественным образом» превратилась в «провинцию французского искусства»⁹. Сегодня мы наблюдаем довольно опасные притязания английского языка на самодостаточность и на такую же культурную гегемонию в диапазоне от *lingua franca* до *Global'lish*, свойственную латыни от поздней Античности до конца Средневековья и даже за хронологическими границами Возрождения, или же французскому в более позднюю классическую эпоху.

Как мы уже отмечали, совершенно иную позицию занимал Поль Буайе, чьи гуманистические идеи так и не получили полного воплощения в новом Институте. В отличие от концепции «интеллектуальной экспансии» он отстаивал принципы политической нейтральности научного сотрудничества, подлинного, свободного от идеологических наслоений культурного диалога. Эти убеждения привели П. Буайе в Россию, где в 1901–1904 гг. он неоднократно посещал Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Эти встречи, подробно описанные в изданной в 1950 г. книге «П. Буайе у Толстого. Встречи в Ясной Поляне»¹⁰, имеют особое значение для понимания духовных связей между русской и французской культурами. Но здесь необходимо уточнение: в Западной Европе и США воспринимали толстовство, в первую очередь, как идеологию и эстетику Л.Н. Толстого, в то время как педагогические взгляды писателя оставались до учебника П. Буайе и Н. Сперанского в стороне [18; 19; 20].

⁹ Réau L. Histoire de l'expansion de l'art français: en quatre volumes. Le monde slave et l'orient. V.4. Paris: Laurens, 1924.

¹⁰ Paul Boyer (1864–1949) chez Tolstoï Entretiens à Iasnaïa Poliana / Avec une introd. par André Mazon, Pierre Pascal, Louis Réau consacrée à la mémoire de Paul Boyer. Paris : Inst. d'études slaves de l'Univ. de Paris, 1950.

П. Буайе сохранил важное свидетельство — адресованные ему в 1901 г. слова Л.Н. Толстого: «Ваши великие мастера XVIII века: Вольтер, Дидро, Руссо написали множество мощных, прекрасных, полезных для каждого страниц, моральных!» («Vos grands maîtres du XVIIIe siècle, Voltaire, Diderot, Rousseau, ont écrit tant de fortes pages, belles, utiles pour chacun, morales!» [32, С. 38]). Это высказывание не только демонстрирует глубокое влияние французских просветителей на русского писателя, но и подтверждает правоту П. Буайе в его стремлении к подлинному, содержательному культурному обмену.

Мысль Л.Н. Толстого — это мысль об интеграции и синтезе культур, а не об интеллектуальном доминировании одной из них. Идея о том, что искусство и язык призваны объединять людей, наиболее ярко выражена в его эссе «Что такое искусство?» (1897)¹¹. В нем Л.Н. Толстой отмечал, что среди литераторов его эпохи величайшими были Ч. Диккенс, В. Гюго и Ф.М. Достоевский — именно потому, что передаваемое ими чувство способствовало согласию и братству между людьми¹². Сама деятельность Л.Н. Толстого подтверждала эти взгляды: он неоднократно переводил или редактировал произведения этих авторов, нередко адаптируя их в соответствии со своими убеждениями. Так, например, в 1890 г. он отредактировал перевод «Человека, который смеется» Виктора Гюго (выполненный А.Ю. Бижукимым) для своего издательства «Посредник» [21], в 1889 г. переработал рассказ Г. де Мопассана «Порт», изменив его название на «Сестры»¹³ и подписав: «Л.Н. Толстой (по мотивам Мопассана)».

Влияние Л.Н. Толстого выходило далеко за пределы литературы: знакомство с ним стало переломным моментом в судьбе П. Буайе. Вдохновившись «Азбукой» (1872)¹⁴ [22] Л. Толстого, П. Буайе совместно с Н. Сперанским, своим коллегой по Институту славянских исследований, написал учебник русского языка «Manuel pour l'étude de la langue russe, textes accentués, commentaire grammatical, remarques diverses en appendice, lexique»¹⁵, который выдержал шесть переизданий (1905, 1935, 1951, 1957, 1967, 2024). В Предисловии к Учебнику авторы указывают: «Deux noms, celui d'un Français et celui d'un Russe, se lisent sur la couverture de ce Manuel, et leur droit à y figurer est égal. Le plan général du livre, le choix des morceaux, la rédaction du commentaire et des remarques, la composition du Lexique ont été discutés et arrêtés en commun par

¹¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 30. Произведения 1882–1898. Москва : ГИХЛ, 1951. С. 26–203

¹² Там же. С. 177

¹³ Толстой Л.Н. Сестры (по мотивам Мопассана) // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Круг чтения (1904–1908 гг.). Т. 2. Москва : ГИХЛ, 1957. С. 298–305.

¹⁴ Толстой Л.Н. Азбука // Соч. гр. Л.Н. Толстого. Кн. 1–4. Санкт-Петербург : тип. Замысловского, 1872. Кн. 4.

¹⁵ Boyer P., Speranski N. 1905. Manuel pour l'étude de la langue russe: Textes accentués. Commentaire grammatical. Remarques diverses en appendice. Lexique. Paris : Armand Colin.

Nicolas Spéranski et moi-même” — «Два имени, француза и русского, можно прочесть на обложке этого Учебника, и они имеют равное право фигурировать в нем. Общий план книги, выбор частей, написание введения и замечания, составление Лексикона обсуждалось и согласовывалось совместно Николая Сперанским и мною» (перевод наш. — *Авт.*)¹⁶. Об этом труде необходимо сказать подробнее, но его детальному анализу будет в дальнейшем посвящена отдельная статья.

Авторы учебника справедливо предполагают, что полноценное освоение языка невозможно без занятий с преподавателем или носителем, уже в предисловии предупреждая о сложностях, возникающих при изучении русского языка как языка флективного. Задача учебника — «представить верную и достаточно полную картину русского разговорного языка и способы высказывания» («Présenter un tableau fidèle et suffisamment complet de la langue russe parlée et de ses procédés d'expression»)¹⁷. Хотя книга содержит тексты для начинающих и подробные комментарии почти к каждому слову / предложению, в ней практически отсутствует фонетический блок — лишь указаны ударения, без объяснений и анализа особенностей русского произношения, представляющего особые трудности для франкофонов. Авторы предполагают, что читатель уже обладает базовыми навыками артикуляции, однако с методической точки зрения отсутствие фонетических комментариев остается серьезным упущением.

Не менее спорным выглядит включение на начальном этапе стилистически и семантически маркированной лексики. В качестве материала П. Буайе использовал тексты из толстовской «Азбуки» (указание на это авторы помещают в рамке на отдельной странице), где встречается множество диалектизмов — Л.Н. Толстой сознательно опирался на народную речь, пословицы и поговорки. С одной стороны, это можно считать недостатком, поскольку подобная лексика усложняет восприятие. С другой — такой подход отражает стремление П. Буайе погрузить учеников в естественную звуковую среду русского языка, дать им прочувствовать его ритм и мелодику. Напомним, что речь идет о русском языке начала XX в.

Выбор текстов Л.Н. Толстого не случаен. Как мы уже отмечали, П. Буайе был лично знаком с писателем и разделял его педагогические взгляды. Л.Н. Толстой считал, что обучение должно строиться на принципах свободы, уважения и доступности — именно так была организована его яснополянская школа для крестьянских детей. Учитель, по его мнению, не должен навязывать знания, а, напротив, обязан создавать условия для естественного раз-

¹⁶ Boyer P., Spéranski N. 1905. Manuel pour l'étude de la langue russe: Textes accentués. Commentaire grammatical. Remarques diverses en appendice. P. XI–XII. Lexique. Paris : Armand Colin.

¹⁷ Там же.

вития ученика. Эти идеи перекликаются с концепциями Жан-Жака Руссо¹⁸, но Л.Н. Толстой адаптировал их к русской реальности и к своей философско-религиозной системе.

Влияние толстовской мысли прослеживается и в структуре пособия П. Буайе. В отличие от традиционных учебников тех лет с жесткой системой упражнений и сухой грамматикой здесь нет механического закрепления материала — вместо этого предлагается свободное погружение в язык. Такой подход, с одной стороны, лишает ученика привычных ориентиров, привычной практики, но с другой — полностью соответствует толстовскому принципу свободного обучения.

Пособие П. Буайе позволяет не только освоить грамматику («скелет» языка, как это делал, например, П. Мериме, изучавший русский по учебнику К.-Ф. Рейффа), но и понять, как язык функционирует в реальности. В книге подробно разбираются формы слов, структура предложений, даются комментарии к культурным реалиям (включая приложение с лексиконом и входящий туда перечень междометий). Это создает эффект естественного языкового погружения, что стало новаторским решением для своего времени.

Несмотря на некоторые недостатки (отсутствие комплексной фонетики, сложная, порой диалектная, лексика), учебник П. Буайе остается одним из самых влиятельных пособий по русскому языку XX в.: переведенный на английский и изданный в 1916 г. в Чикаго, учебник П. Буайе и Н. Сперанского фактически стал основным в формировании американской русистики¹⁹. Более того, его структурные принципы предвосхитили современные образовательные тренды, такие как гипертекстовый подход (диалоговость в ходе усвоения материала и его постепенное усложнение с уменьшением подсказок); контекстное обучение (язык через культуру, через картину мира; прецедентные тексты, а не изолированные грамматические правила); свобода от формализма в обучении и от формального контроля (важный акцент на мотивации, а не на механическом запоминании). Вспомним, что схоластику и формализм в обучении высмеивал еще Ф. Рабле: «Обучение Гаргантюа сводилось к бессмысленной механической зубрежке схоластических книг. Он выучил их так хорошо, что при испытании мог пересказать все это не только наизусть, но даже наоборот. Отец его заметил, что от этого сын его становится все более бестолковее, задумчивее и страннее и в результате чего лишь отупел»²⁰.

Сегодня благодаря цифровым технологиям все эти идеи могут получить новое воплощение в озвучке текстов носителями языка для компенсации

¹⁸ Руссо Ж.-Ж. *Эмил, или «О воспитании»*. Санкт-Петербург : Газ. школа и жизнь, 1912.

¹⁹ Памяти выдающегося и непревзойденного знатока русского языка и большого методиста // В помощь преподавателю русского языка в Америке / *A Guide to Teachers of the Russian Language in America*. Vol. 3. No. 17/18 Сентябрь — декабрь 1949.

²⁰ Рабле Ф. *Гаргантюа и Пантагрюэль*. Москва : ГИХЛ, 1961. С. 81–89.

отсутствия фонетического блока; в съемках видеолекций к грамматическим и культурологическим комментариям; в создании алгоритмов интервального повторения для запоминания лексики и расширения словаря. Характерна ре-марка П. Буайе: он указывает, что его учебник содержит примерно 3000 слов, объем, который сам П. Буайе называет основным. Примечательно, что авторитетный словарь Жоржа Гугенхейма “*Dictionnaire fondamental de la langue française*” (первое издание — 1958) содержит 3500 слов. Эти 3500 лексических единиц, по мнению автора словаря, — ядро часто встречающихся слов и основной доступный лексикон. Вместе они образуют фундаментальный французский язык и представляют собой очень прочную и достаточно широкую основу для изучения обычного языка, как в контексте французского языка как иностранного, так и французского как родного языка. Создание такого русского словаря, будем надеяться, только вопрос времени.

Заключение

Труд П. Буайе — это не просто учебник, а продукт глубокого интеллектуального диалога между французской и русской мыслью. Этот диалог двух людей своей эпохи — русского гениального писателя и выдающегося французского слависта — создал методику, способную не просто оставаться долгое время актуальной, но и эволюционировать вместе с обществом. Как показала история, именно такой непредвзятый, научный (а не интеллектуально-догматический) диалог порождает произведения, входящие в культурный код нации.

В апреле 1926 г. сам П. Буайе в статье «*Les relations scientifiques entre la France et la Russie*»²¹ не только анализировал особенности научного сотрудничества между странами, но и объявил о создании комитета по развитию научных отношений с Россией. Этот шаг — логическое развитие мысли о том, что настоящие открытия рождаются не через подавление одной культурной парадигмы другой, а через свободный и равноправный обмен идеями.

Методика П. Буайе, вдохновленного толстовскими принципами, доказала свою жизнеспособность. И сегодня, в эпоху цифровых технологий, переосмысляя наследие французского слависта, мы видим, как эти идеи могут обрести вторую жизнь, сохраняя при этом свою гуманистическую основу. К сожалению, как отмечал сам П. Буайе, не всегда удается избежать соблазна интеллектуализма, когда формальные и идеологические построения начинают преобладать над живой мыслью. Однако именно его работа служит ярким примером того, как можно сохранить баланс между двумя аспектами одного явления — межкультурного диалога стран.

²¹ *Boyer P.* Avril 1926. “*Les relations scientifiques entre la France et la Russie*”. *Revue du Mois scientifique*, no. 172, pp. 199–200.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений : в 7 томах. Том 6. Москва : Русское слово, 1996–2002.
2. *L'ours et le coq: Trois siècles des relations franco-russe: Essais en honneur de Michel Cadot.* 2000. Paris : Presses Sorbonne Nouvelle.
3. *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. Санкт-Петербург : Академический проект, 2002.
4. *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X–XVII веков : эпохи и стили. Ленинград : Наука. Ленингр. отд., 1973.
5. *Coeur S.* 1999. *La Grande Lueur à l'Est: Les Français et l'Union soviétique 1917–1939.* Paris : Seuil.
6. *Cousu de fil rouge. Voyages des intellectuels français en Union soviétique. 150 documents inédits des archives russes, dir., éd. et préface par S. Coeuré, R. Mazuy.* Paris : CNRS Editions, Collection "Mondes russes", 2012. P. 9.
7. *Успенский Б.А.* Предисловие // *Sohier J. Grammaire et Méthode russes et françaises.* München : Verlag Otto Saner, 1987. С. 1–24.
8. *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. Москва : НЛЮ, 2001.
9. *Проскурина В.Ю.* Империя пера Екатерины II : Литература как политика. Москва : НЛЮ, 2017.
10. *Занин С.В., Кошелева О.Б.* Новые открытия текстов Дидро: моральный катехизис для Екатерины Великой // *Диалог со временем.* 2014. Вып. 48. С. 347–361.
11. *Мезин С.А.* Дидро и цивилизация России. Москва : Новое литературное обозрение, 2018.
12. *Грищенко Н.А.* Ф.И. Рейфф как миссионер русского языка и русской культуры // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета.* 2011. № 2. С. 26–31.
13. *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. Санкт-Петербург : Крига, 2008.
14. *Gamalova N.* *Mélanges pour le centenaire de la slavistique lyonnaise, 1920–2020. Modernités russes.* URL: <https://publications-prairial.fr/modemites-russes/index.php?id=615> (accessed: 03.04.2025).
15. Мейерхольд и Франция. Публикация, вступит. статья и коммент. О.Н. Купцовой // *Мнемозина : документы и факты из истории отечественного театра XX века.* Вып. 4. Москва : Индрик, 2009. С. 741–796.
16. *Арукhtina M.* *L'influence des didacticiens russes sur la formation des professeurs de français et sur l'enseignement du français en Russie.* Université Côte d'Azur, 2019.
17. *Espagne M.* *Le paradigme de l'étranger: les chaires de littérature étrangère au XIX-e siècle.* Paris : Cerf, 1993. P. 315–319.
18. *Эстетика Льва Толстого :* сб. ст. / под ред. П.Н. Сакулина. Москва : Гос. акад. художественных наук, 1929.
19. *Полонский В.В.* Gallo-Rossica: из истории русско-французских литературных связей конца XVIII — начала XX века. Москва : ИМЛИ РАН, 2019.
20. *Гладкова (Калюжная) Л.В.* Л.Н. Толстой и его франкоязычные корреспонденты об искусстве. Рецепция трактата «Что такое искусство?» во Франции // *Литературный факт.* 2023. № 4 (30). С. 253–267.
21. *Пахсарьян Н.Т.* Виктор Гюго и Лев Толстой // *Лев Толстой и его современники.* Москва: Парад, 2010. С. 167–169.
22. *Константинов Н., Петров А.* Предисловие к двадцать первому и двадцать второму томам // *Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.* Москва : ГИХЛ, 1957. Т. 21. С. 5–38.

References

1. Bakhtin, M.M. 2002. *Collected Works: In 7 volumes.* Vol. 6. Moscow: Russkoe slovo publ. Print. (In Russ.)
2. *L'ours et le coq: Trois siècles des relations franco-russe: Essais en honneur de Michel Cadot.* 2000. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle. Print. (In French)

3. Lotman, Yu.M. 2002. *Articles on the semiotics of culture and art*. St. Petersburg: Academic project publ. Print. (In Russ.)
4. Likhachev, D.S. 1973. *Development of Russian Literature of the 10th–17th Centuries: Epochs and Styles*. Leningrad: Nauka publ. Leningrad Department. Print. (In Russ.)
5. Coeuré, S. 1999. *La Grande Lueur à l'Est: Les Français et l'Union soviétique 1917–1939*. Paris: Seuil. Print. (In French)
6. Cousu de fil rouge. Voyages des intellectuels français en Union soviétique. 150 documents inédits des archives russes, dir., éd. et préface par S. Coeuré, R. Mazuy. 2012. Paris: CNRS Editions, Collection “Mondes russes”, p.9. Print. (In French)
7. Uspensky, B.A. Preface. In Sohier J. *Grammaire et Méthode russes et françaises*. München: Verlag Otto Saner, 1987. С. 1–24. Print. (In Russ.)
8. Zorin, A.L. 2001. *Feeding the Double-Headed Eagle: Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the 18th — First Third of the 19th Century*. Moscow: NLO publ. Print. (In Russ.)
9. Proskurina, V.Yu. 2017. *The Empire of Catherine II's Pen: Literature as Politics*. Moscow: NLO. Print. (In Russ.)
10. Zannin, S.V., Kosheleva O.B. 2014. “New discoveries of Diderot’s texts: a moral catechism for Catherine the Great”. *Dialogue with Time*, issue 48, pp. 347–361. Print. (In Russ.)
11. Mezin, S.A. 2018. *Diderot and the Civilization of Russia*. Moscow: New Literary Review publ. Print. (In Russ.)
12. Grishchenko, N.A. 2011. “F.I. Reiff as a missionary of the Russian language and Russian culture”. *Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University*, no. 2, pp. 26–31.
13. Custine, A. de. 2008. *Russia in 1839*. St. Petersburg: Kriga publ. Print. (In Russ.)
14. Gamalova N. “Mélanges pour le centenaire de la slavistique lyonnaise”, 1920–2020. *Modernités russes*. URL: <https://publications-prairial.fr/modernites-russes/index.php?id=615> (date of access: 03.03.2025). (In French)
15. “Meyerhold and France. Publication, introduction article and comment by O.N. Kuptsova”. 2009. *Mnemosyne. Documents and facts from the history of Russian theater of the twentieth century*. Issue 4. Moscow: Indrik publ, pp. 741–796. Print. (In Russ.)
16. Apukhtina M. 2019. L’influence des didacticiens russes sur la formation des professeurs de français et sur l’enseignement du français en Russie. Université Côte d’Azur. Print. (In French)
17. Espagne, M. 1993. *Le paradigme de l'étranger: les chaires de littérature étrangère au XIX-e siècle*. Paris: Cerf, pp. 315–319. Print. (In French)
18. *Leo Tolstoy's Aesthetics*. Collection of articles edited by Sakulin, P. N. 1929. Moscow: State Academy of Artistic Sciences. Print. (In Russ.)
19. Polonsky, V.V. 2019. Gallo-Rossica: from the history of Russian-French literary relations of the late 18th — early 20th centuries. Moscow: IWL RAS publ. Print. (In Russ.)
20. Gladkova (Kalyuzhnaya), L.V. 2023. “L.N. Tolstoy and his French-speaking correspondents on art. Reception of the treatise ‘What is Art?’ in France.” *Literary fact*, vol. 30, no. 4, pp. 253–267. Print. (In Russ.)
21. Pakhsaryan, N.T. 2010. Victor Hugo and Leo Tolstoy. In: *Leo Tolstoy and his contemporaries*. Moscow: Parad publ., pp. 167–169. Print. (In Russ.)
22. Konstantinov, N., and A. Petrov. 1957. Preface to the twenty-first and twenty-second volumes. In: *Tolstoy L.N. Complete collected works*. Vol. 21. Moscow: GIHL, pp. 5–38. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Овчаренко Алексей Юрьевич — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии, институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 3. ORCID: 0000-0002-8544-5812, ResearcherID: Z-3696-2019. E-mail: ovcharenko_ayu@pfur.ru

Шапринская Елизавета Андреевна — лаборант научной школы «Лингвокультурология и профессиональное общение», институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 3. ORCID: 0009-0004-6127-0116, ResearcherID MGV-9836-2025. E-mail: lizashapr@yandex.ru

Воропаева Юлия Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и лингвокультурологии, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 3. ORCID: 0000-0002-5425-3359, ResearcherID: AAN-5202-2020. E-mail: voropaeva_yua@pfur.ru

Bio notes:

Alexey Yu. Ovcharenko is a D. Sc. (Philology), Professor at the Department for the Russian Language and Cultural Linguistics, Russian Language Institute, RUDN University, 10/3 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8544-5812, ResearcherID: Z-3696-2019. E-mail: ovcharenko_ayu@pfur.ru

Elizaveta A. Shaprinskaya is a Laboratory technician at the scientific school “Linguacultural and professional communication”, Russian Language Institute, RUDN University, 10/3 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0004-6127-0116, ResearcherID MGV-9836-2025. E-mail: lizashapr@yandex.ru

Julia A. Voropaeva is a PhD, Associate Professor at the Department for the Russian Language and Cultural Linguistics, Russian Language Institute, RUDN University, 10/3 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5425-3359, ResearcherID: AAN-5202-2020. E-mail: voropaeva-yua@rudn.ru